

Татьяна Василевская

16+

Снежные великаны

Сказки снежной метели

Татьяна Михайловна Василевская

СНЕЖНЫЕ великаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40301145

SelfPub; 2019

Аннотация

Что делать, если твой мир рухнул? Если вся твоя жизнь в один день исчезла и не осталось никого из тех, кто был тебе дорог? Мстить. А если в твоём сердце живут только боль и ненависть, но вдруг появляется тот, кто несёт в себе надежду и свет. Что делать тогда? Вновь научиться жить. Очистить своё сердце, открыть душу свету и идти вперед.

Содержание

Проклятые горы	5
Глава 1. Иритай	11
Глава 2. Происшествие	19
Глава 3. Предание	25
Глава 4. Сваты	34
Глава 5. Тени во тьме	43
Глава 6. Свадебный караван	46
Глава 7. Селения	55
Глава 8. Возвращение	59
Глава 9. Метель	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Чтобы идти вперед, нужно найти в себе силы отпустить прошлое.

Не забыть о нем, а просто продолжать путь, не оглядываясь.

Проклятые горы

В самом сердце Алметинских гор, в недоступных, занесенных вечными снегами долинах, расположилось несколько небольших селений. Приземистые домики, построенные из обломков скал, стоят посреди белоснежных снегов уже несколько столетий. Каменные стены сложены крепко, куски камня тщательно подогнаны один к другому, чтобы ни ледяным ветрам, ни страшным метелям, налетающим долгими лютыми зимами на горные долины, ни диким зверям, изредка забредающим в эти места в поисках пищи, не под силу было разрушить их и подобраться к обитающим в них людям. Жизнь в этих краях суровая. Большую часть времени долины сковывает холод, такой сильный, что кажется, сказанное слово замерзает, звеня как льдинка, посреди прозрачной морозной тишины, нарушаемой лишь изредка человеком, зверем или звуком падающих камней и снега в горах. Порой с вершин неприступных скал сходят снежные лавины, и тогда замерзшая земля содрогается, толстые пласты твердого, как камень снега, разламываются, образуя глубокие трещины с острыми, рваными краями. Беда тому, кто попадет под сходящий с гор снежный поток. Выбраться из-под обрушившейся холодной белой массы почти невозможно. Вперемежку со снегом стремительно летят, увлекаемые им, огромные камни, сметая, ломая и погребая под собой все, что встретилось

на пути. Жители горных селений считают, что это Великий создатель всего мироздания Оил, сердится и стучит своим посохом по небесному своду, и от того горы начинают дрожать, и их снежные шапки падают с каменных голов вниз.

В этом суровом краю лето быстротечное и холодное, и оно лишь немногим теплее долгой зимы. Едва-едва подтаает снег на открытых солнечным лучам участках долины, проглянет на проталинах жесткая, буро-зеленая трава, раскроют свои бутоны белые и лиловые горные цветы, как уже снова налетают снежные метели, и вновь, едва ожившую землю, сковывает страшный холод, укрывает белое толстое покрывало снега. Выращивать, что-то в этих местах или прокормить скот, успевшей пробиться из-под снега, чахлой травой невозможно. Взрослые мужчины, живущие в селеньях, несколько раз в год спускаются «в низовья», запасают дрова, сено, обмениваются шкуры горных быков и коз, а также мягчайшую, тонкую и в тоже время прочную и необыкновенно теплую шерсть, которую прядут женщины их селений, на муку, овощи, одежду.

Предки жителей горных долин пришли сюда не по доброй воле. Много столетий назад, страной, лежащей у подножия Алметинских гор, управлял жестокий, коварный правитель князь Мехтынлар. Он притеснял свой народ до такой степени, что люди умирали от голода и непосильного труда. Никто не мог сказать слова против жадного, злого правителя. Нескончаемые налоги превратили жителей страны в нищих рабов, вынужденных день и ночь гнуть спину, чтобы удовле-

творить запросы владыки. Непокорных казнили без долгих разбирательств. Достаточно было сказать неосторожное слово, чтобы встретиться с палачом. Жители нескольких, наиболее притесняемых областей, не в силах выносить больше подобной жизни, подняли бунт и выступили против правителя. Мехтынлар отправил для подавления восстания свои лучшие воинские отряды. Посмевших восстать против власти князя, должны были заковать в кандалы и доставить в столицу, после чего жестоко пытаться и казнить на главной площади перед дворцом правителя. Чтобы после жестокой расправы ни у кого из подданных больше не возникало даже мысли противиться своему владыке и пытаться восставать против его методов правления. Но бунтовщики не сдались. Они отважно встретили присланные отряды и вступили с ними в бой. Несмотря на яростное сопротивление, не привыкшие сражаться ремесленники и крестьяне, под натиском воинов, были вынуждены начать отступать. Княжеские отряды жестоко расправлялись, с не желавшими сдаваться бунтовщиками, тесня их все дальше и дальше от родных земель в сторону гор. Большая часть, бросивших вызов власти правителя, погибла во время сражения с войсками князя и последующего отступления. Уцелевшие, понимая, что владыка не успокоится, пока не уничтожит их и их семьи, отступили в горы. Солдаты Мехтынлара преследовали бунтовщиков до границ вечных снегов. Люди, спасающиеся бегством, не имея другой возможности сохранить жизнь, были вынужде-

ны уходить все дальше и дальше вглубь гор. Воины, подготавливаемые командирами, с неохотой, но продолжали преследование. И тем и другим, не по душе были холодные мертвые земли, которые к тому же, с давних пор считались проклятыми. Много воинов замерзло в этом походе, провалилось в расщелины, сорвалось с горных склонов. Много спасающихся бегством бунтовщиков погибло также как и воины. Уцелевшая горсточка беглецов, перейдя через почти неприступные снежные перевалы, добралась до одной из долин, где замерзших, умирающих от усталости и голода людей, застала страшная снежная буря. Спасаясь от разбушевавшейся стихии, люди нашли укрытие в пещерах. В конце концов, все они непременно замерзли бы насмерть, но на их счастье, под каменными сводами пещер они обнаружили черные маслянистые камни, которыми кузнецы в их родном краю растапливают свои печи. Много бед и лишений претерпели изгнанники, скрывающиеся в горах. Будь у них хоть малейшая возможность вернуться, возможно, они бы и не смогли вынести всех тягот и испытаний, посланных им судьбой. Но назад дороги не было. Здесь, в горах был страшный холод, отсутствие еды и всего необходимого, но пока человек жив, в нем живет и надежда, он борется, старается изо всех сил выжить в любых условиях. Там, откуда они пришли было все кроме надежды. Там их всех ждала верная смерть. Волей-неволей люди начали приспосабливаться к новым, почти невыносимым условиям жизни. Начали охотиться, чтобы не умереть с го-

лоду, на снежных быков и коз. Как только, с приходом лета, солнце растопило нанесенные за зиму сугробы, изгнанники принялись строить дома, из единственного имеющегося под рукой строительного материала – каменных обломков скал. Едва закончили постройку нескольких жилищ, как снова налетели метели. Лето пронеслось стремительно, дав крошечную передышку, настолько короткую, что измученные, оголодавшие за долгую зиму люди даже не успели хоть немного отойти от страшных морозов, порадоваться, пусть не настоящему теплу, но хотя бы возможности спокойно находиться на открытом воздухе, не чувствуя, как немеет все тело, теряя чувствительность от холода.

Шло время. Постепенно «поселенцы» научились не только убивать, но и ловить коз и быков, приручать их. Мясо животных было крайне питательно, а молоко обладало целебными свойствами, помогало вылечивать сильнейшие простуды. Шкуры убитых животных стали настоящим спасением от лютых морозов, длинный густой мех давал защиту от любого холода. Пережив первую, самую страшную зиму в горах, с каждым годом люди все легче переносили холод и суровые условия. Первое лето, после зимовки в пещерах встретила лишь треть из спасшихся от солдат Мехтынлара, но те, кто выжил, были полны решимости не опускать рук, продолжать бороться за жизнь. Их родные и близкие не напрасно принесли свою жертву. Год за годом «беглецы» все больше принаравливались к новым условиям, вначале казав-

шимся невыносимыми. А несколько поколений спустя, когда не осталось уже никого из тех кто пришел сюда из низовий, жители селений уже и представить себе не могли иной жизни, чем та которой живут они. Конечно, в низовьях тепло и красиво. Земля щедра, много еды и жизнь намного легче, чем здесь, в краю снегов и холода. Давно прошли времена правления подлого, жестокого Мехтынлара, и можно было бы вернуться назад. Но там, внизу, все чужое. Как можно жить без сверкающего белизной снега, без огромных гор, уходящих в небесную высь покрытыми снегом вершинами? Разве может быть что-то прекраснее этих величественных молчаливых долин и неприступных каменных скал? Нет, нынешние жители Алментин не видели для себя другой жизни, не мечтали о ней и даже, скорее всего, ужаснулись бы при мысли, что им нужно покинуть родные места. Человек так устроен, что привыкает ко всему. А место где родился и вырос, где жили все те, кого ты знаешь и любишь, всегда самое лучшее место на всем свете. Потому, что это твоя родина, твоя земля – лучшее место для тебя.

Глава 1. Ирита́й

Ирита́й сильно замерз. Тело все сильнее и сильнее сковывал холод. Руки уже давно ничего не чувствовали, из потрескавшейся кожи сочилась кровь, тут же превращавшаяся в льдинки, но Ирита́й даже не замечал этого. Нос и щеки тоже потеряли чувствительность, хотя поначалу, их сильно щипало от мороза, и Ирита́й тер их меховыми рукавицами, пытаясь согреть. Потом рукавицы потерялись, и Ирита́й, уже в попытке согреть немеющие пальцы рук, начал засовывать их в рукава, забыв про лицо. Но идти через сугробы со спрятанными руками было невозможно, Ирита́й то и дело терял равновесие и падал. Чтобы подняться, каждый раз приходилось вытаскивать руки и опираться ими о снег. И вот теперь, и руки, и лицо у него были обморожены. Но Ирита́й не думал ни о руках, ни о лице. Он вообще не был мастером думать, но сейчас он испытывал сильнейший животный страх, заставлявший его соображать лучше обычного. Если он совсем замерзнет, то не сможет дойти до селения. И тогда все – смерть. А умирать Ирита́й не хотел.

– Бя! Бя! – крикнул он, как можно громче. Визгливый голос дурачка разнесся по долине и эхом отозвался от гор. – Бя!

Из глаз покатались слезы, но Ирита́й не обратил на них внимания. Слезинки замерзли, превращались в крошечные

сосульки на его щеках.

– Бя!

Бык как сквозь землю провалился. Иритаю было уже все равно найдет он его или нет. Он хотел только одного. Вернуться домой. Пусть его бранят, за то, что упустил быка. Пусть даже дадут пару подзатыльников. Он хочет домой! Иритаю огляделся. Он никогда не был в этой долине. Он вообще раньше никогда не покидал долину, где располагалось селение, один. Вероятно, он далеко ушел. Солнце уже над самой высокой горой Ауруш, а Иритаю, хоть и не умел определять время, как остальные, но знал, что до этой горы солнце добирается, когда уже давно прошел обед, и скоро наступит ужин. А это значит, скоро солнце сядет и наступит ночь – после ужина всегда наступает ночь, становится темно. А в темноте он нипочем не найдет дорогу обратно. Он боится темноты! Иритаю шмыгнул носом и пошел по своим собственным следам обратно. Чувство опасности и впрямь немного пробудило рассудок. Даже взгляд маленьких темных глазок стал как будто более осмысленным.

– Бя! – вполголоса снова позвал Иритаю, не столько, в надежде, что бык все же вернется, сколько от того, что ему было страшно совсем одному в звенящей, ничем не нарушаемой морозной тишине, вдали от дома.

Иритаю брел вдоль высокой отвесной скалы. Подул сильный ветер. В воздухе закружился снег. С каждой минутой он становился все мельче и тверже, превращаясь в крошеч-

ные кусочки льда, врезающиеся в кожу. Спустя немного времени началась настоящая метель, и Иритай больше не знал куда идти. Снег замел спасительный ориентир – его следы. Серая мгла, наполненная снегом, с каждой минутой становилась все темнее, превращаясь в непроглядный мрак. Иритай завыл. Он не столько понимал, сколько чувствовал – это конец. Ему не пережить ночь. Никакого укрытия поблизости. Только снег и отвесные каменные стены скал. Да порывы ветра, наполненные ледяными крупинками. Каждый новый порыв ветра забирает у тела остатки тепла и остатки сил. Ноги уже еле двигаются. Еще чуть-чуть и он больше не сможет сделать ни шагу. Ветер ненадолго стих, вероятно, готовясь обрушиться на долину и на одинокую фигурку, прижимающуюся к скалам с новой, еще более сокрушительной силой. В момент затишья Иритаю послышалось, как будто кто-то тяжело вздохнул совсем рядом с ним. Звук донесся со стороны скалы.

– Бя!?! – лицо дурачка озарилось надеждой, потрескавшиеся, обветренные губы растянулись в улыбке. Может это бык? Он может отвезти его в селение. Быки очень умные. Они запоминают дорогу. Может быть, бык сможет найти дорогу даже в метель. – Бя!

Утром Иритай сильно рассердился на быка – тот наступил на свистульку, которую Иритай случайно уронил в снег. Под тяжелым копытом, чудесная вещь, которую Иритаю привезли из «низовий», и он не мог нарадоваться и налюбоваться

на нее, превратилась в жалкие осколки. Увидев, что произошло, Иритай, в сердцах, стукнул быка кулаком в нос, а потом еще огрел, изо всей силы, поленом. Бык испуганно попятился, Иритай снова замахнулся, и тогда животное, не привыкшее к грубому обращению, побежало прочь от своего обидчика. Иритай, понимая, что его не похвалят, за то, что бык убежал, поплелся его догонять, но животное, оглядываясь назад, и видя обидевшего его Иритаю, уходило все дальше и дальше. Так Иритай и оказался где-то в неизвестном ему месте, далеко от селения.

– Бя!?

Очередной порыв ветра, невероятной силы, буквально швырнул Иритаю к каменной стене. Иритай отдышался. Снова совсем рядом послышался вздох. Иритай начал приглядываться. Чуть впереди на темно-серой каменной стене проглядывала совсем черная полоса. Иритай подковылял поближе на уже негнущихся ногах. В скале была трещина. Иритай заглянул внутрь, но ничего не увидел – внутри была непроглядная темнота. Но он снова услышал вздох. Там, в глубине скалы, кто-то был.

– Бя?

Иритай с опаской начал протискиваться сквозь узкий разлом. Пару раз он сильно приложился лбом о выступавшие сбоку и сверху острые камни. Один раз он споткнулся и упал, больно стукнувшись коленом. Проход стал чуть шире, Иритай мог уже спокойно пройти по нему. Он сделал еще

несколько шагов в кромешной темноте.

– Бя?! – позвал дурачок, не понимая, что бык никак не мог попасть в пещеру через узенькую щель в камнях.

Где-то в глубине, в непроглядном мраке, что-то потрескивало, слышалось непонятное шуршание и вздохи... Редкие и протяжные. Вздохи, казалось, доносились, с разных сторон. Но, вероятно, это происходило от того, что звук отдавался от каменных стен пещеры, да еще было совсем темно, и Иритай был напуган и еле держался на ногах от усталости. Да и соображение у него было хуже, чем у сбежавшего быка.

– У! – попробовал Иритай использовать новый призыв-обращение, к тому, кто вздыхал в темноте, где-то совсем рядом с ним. Ответа не последовало. Иритай решил, что раз то неведомое существо, которое издает странные звуки, не набросилось на него сразу, значит, скорее всего, оно не представляет опасности и бояться его нечего. В пещере, хоть и было также холодно, как и снаружи, но сюда не долетали порывы ветра. Иритай опустился на каменный пол и почти тут же провалился в сон.

–

Весь вечер, и добрую половину ночи, жители селения искали пропавшего дурачка. Началась метель, пришлось прекратить поиски и вернуться в дома. Никто уже не сомневался, что Иритай, по какой-то непонятной причине ушел за пределы долины и заблудился. А раз так, то живым его больше уже никто не увидит – ночью, в метель, на лютном холоде

ему не выдержать – у дурачка не было ни огнива, ни лучин, ничего, что бы развести хоть малюсенький костерок и согреться. Он никогда не уходил далеко от домов, а огнем ему запрещали пользоваться – сам себя спалит, или кого-нибудь, у него же соображения меньше чем у грудного младенца.

– Глупый дурак! Куда его понесло? – сокрушенно вздохнул Аюрмал, «старший» из мужчин селения. Его жена, Мерниса, украдкой утирала слезы. Глупый, безобидный дурачок, за всю жизнь не причинивший никому зла. Такая страшная смерть – один посреди ледяной пустыни испуганный и замерзший. Женщина всхлипнула.

– Да не реви! Кто же мог подумать, что он куда-то отправится один. Всегда такой спокойный, сроду от дома не отходил. – Аюрмал в последний раз попытался взглянуть в непроглядную темную муть все усиливающейся метели. Скорее всего, Иритай уже мертв.

Он обнял жену и слегка подтолкнул ее к дверям дома. Ему самому жаль было паренька. Хоть и дурак, а ведь добрая душа.

– Бык-то пропал, – всхлипнула Мерниса, – так знать он за ним пошел. Искать...

Она зарыдала в голос. Аюрмал сплюнул. Только женских слез ему сейчас не хватает.

– Не реви! Что толку от твоих причитаний? И так тошно.

–

К утру метель утихла, небо расчистилось. На сине-голу-

бом небе сияло яркое солнце, освещая долину своим холодным светом, отражаясь от белоснежного сверкающего снега и слепя глаза.

В полдень на фоне гор, опоясывающих долину, появились две фигурки, бредущие по направлению к домам. Продвигаясь по глубокому снегу, к селению шел бык, а рядом с ним, ухватившись за длинную шерсть животного, шел Ирита́й.

Несколько человек, заметившие приближающихся путников, бросились навстречу.

– Ирита́й! Слава Великому Оилу! Живой! – обнимая дурачка и смеясь от радости, кричали люди.

–

Первые два дня Ирита́й вел себя беспокойно, метался, как дикий зверь, то и дело громко выкрикивал что-то непонятное. Вскakiвал среди ночи, весь дрожа, заливаясь слезами, тараша испуганные глаза на тех, кто пытался его успокоить. На третий день он затих. Казалось, что он впал в оцепенение. Целыми днями сидел неподвижно уставившись в одну точку пустыми глазами, в которых и до того не было особого разума, а теперь они и вовсе казались лишенными даже самой жизни.

– Ирита́й наш, совсем видно спятил от пережитого той ночью, – сокрушалась Мерниса. Аюрмал хмыкнул.

– Да он и так не в себе был.

Жена покачала головой.

– Нет. То, что он дурачок, так это понятно. Да только вер-

нулся-то он совсем не в себе. То метался как зверь, а теперь сидит, с места не сдвинется, и глаза страшные, пустые. Как будто сама смерть в них. Не отзывается, не реагирует ни на что. Как и не слышит. Раньше-то радовался, как заговоришь с ним, по имени назовешь. Бедный! Вот ведь, наверное, страху натерпелся один-то за ночь на морозе, в метель! Ведь все руки и ноги, и лицо обморозил, как только жив остался? Прямо сердце разрывается!

Глава 2. Происшествие

– Ну, что ты еле плетешься?! Скоро солнце начнет садиться. Можешь побыстрее идти?

Ругор недовольно оглянулся на сестру и поправил сползший с плеча мешок с гостинцами. Нужно было ехать на санях. Вечно девчонки строят из себя. Тут идти-то всего ничего, а сестра изображает, будто у нее ноги сейчас отвалятся. Ругор фыркнул. Женщины! Впереди был довольно высокий подъем, потом еще мили две по снежной равнине, а там по тропе между гор и уже рукой подать до их селения.

– Я устала! И у меня ноги уже мерзнут, – обиженно сказала Сабила. – Все из-за тебя! Если бы ты не начал болтать с Вагиром и Урнусом, мы бы уже давно дошли.

Ругор презрительно хмыкнул. Ну конечно! Женщины вечно во всем винят мужчин. Сама-то с подружками из соседнего селения, куда они ходили проведать бабушку с дедом, небось, тоже полдня проболтала, да вчера целый день языки чесали. А он в это время, между прочим, не бездельничал, а помогал дрова разгружать, которые привезли из низовий. Потом снег чистили, потом... Одним словом он был занят все это время делом, не то, что некоторые. А потом он чуть-чуть поговорил с ребятами, так что же значит теперь он и виноват?

– Вечно ты ноешь! Иди быстрее, и ноги согреются.

Сестра обиженно засопела. Противный! Мог бы руку дать и помочь подняться в гору. Как будто желая ее подразнить, Ругор пустился вверх по склону бегом.

– Вот, я уже почти наверху! А ты еле ползешь! – крикнул он, оглядываясь на отставшую сестру и широко улыбаясь. Ругор запрыгал на месте со смехом глядя на надутое хорошенькое личико Сабилы. – Смотри, сейчас лопнешь. Лучше, поднажми! Осталось всего ничего. Девчонки вечно изображают неженок...

Ругор замолк на полуслове, заметив, что лицо сестры застыло. Оно уже не выглядело обиженным или сердитым. Маленькое румяное личико странным образом исказилось, как будто от страха. Рот широко открылся, готовясь исторгнуть рвавшийся наружу крик, а глаза расширились и неподвижно уставились в одну точку, где-то за его спиной. «Лавина?! Не может быть. Ничего не слышно. И разве здесь может сойти лавина?...» – мысли молнией успели пронестись в голове Ругора, за то время пока он поворачивал голову в том направлении, куда смотрела сестра.

– Ругор!!! Аааа!!! – разорвал тишину долины полный невыразимого ужаса вопль сестры.

– Аааа!!! – просипел мальчик, лицо которого тоже исказилось от страха, а тело застыло, не желая больше подчиняться хозяину. Ругор набрал полную грудь воздуха, чтобы закричать, но воздух не желал выходить обратно, оставался внутри. – Аааа, – почти беззвучно прошептал Ругор.

—

— Тигилай! — жена метнулась к вошедшему в дом мужу.

Тигилай и несколько мужчин из селения уезжали далеко в горы, на восток, туда, где было чуть теплее, и водились снежные козы, охотиться. Их не было несколько дней и они только-только вернулись в селение. Тигилай с тревогой посмотрел на жену. В ее глазах было отчаяние. Они были полны слез, готовых вот-вот выплеснуться наружу. — Дети не вернулись! Они ходили в соседнее селение и должны были возвратиться несколько часов назад... — женщина зарыдала, закрыв лицо руками. Муж притянул ее к себе и погладил темные растрепавшиеся волосы. В доме было жарко натоплено, но Тигилай ощутил, что его тело пробирает страшный холод. Начинается метель, если дети не успели дойти до дома, то в метель они могут сбиться с пути и замерзнуть. Он беспомощно оглядел кухню. Все было как всегда. Кипящий котел с похлебкой на печке. Стол, накрытый к ужину. Жарко пылающий огонь в печи. Только не слышно звонких голосов детей... Отстранив жену, Тигилай твердо сказал:

— Все будет хорошо, мы их найдем. Слышишь? — он легонько встряхнул жену за плечи. — Пойду, позову остальных, и мы отправимся на поиски. Все будет хорошо...

Жена стояла, закрыв руками лицо и раскачиваясь из стороны в сторону, как будто даже и не слыша того, что сказал муж.

— Ох, Тигилай! Они ушли два дня назад. Я велела им се-

годня выйти сразу после обеда, – простонала она, – чтобы они успели дойти до дома до наступления сумерек.

Она снова заплакала. Горько и безутешно. Тигилай тяжело вздохнул. Он надел шапку и рукавицы и вышел за дверь.

Мужчины, обвязавшись веревками по двое, отправились на поиски. Найти того кто заблудился в метель дело почти невозможное. Должно произойти настоящее чудо, чтобы в клубящемся ледяном непроглядном мраке, найти того кто потерялся. Можно пройти в метре друг от друга и не заметить. Кричать бесполезно. Ветер заглушает и уносит самые громкие выкрики прочь. Можно только насмерть застудить легкие или в лучшем случае сорвать голос. На горящие смоляные факелы надежды тоже мало. На расстоянии нескольких метров свет от них уже не виден.

Каждый из отправившихся на поиски знал это, но никто даже думать не хотел, о том, что будет, если они не смогут отыскать детей. Мужчины шли вперед, преодолевая яростные порывы ветра, не обращая внимания на врезающиеся в лицо, слепящие глаза, колючие, твердые, заледеневшие снежинки. Всю ночь никто в селении не сомкнул глаз. Тех, кто вел поиски и возвращался согреться, растирали, поили горячим бульоном, и спустя некоторое время, они вновь уходили в темную клубящуюся мглу. Женщины грели воду в больших котлах. Варили похлебку для замерзших мужчин, жарили мясо. Мать пропавших детей стояла неподвижно возле малюсенького окна, через которое ничего невозможно было

рассмотреть. Она беззвучно повторяла молитвы, обращенные к Великому Оилу и его дочери Дерриан – повелительнице метелей и выюг, прося вернуть ей ее детей.

К середине дня выюга утихла. Выбившиеся за ночь из сил мужчины, вновь отправились на поиски. На этот раз женщины тоже пошли с ними.

Ругора и Сабилу так и не нашли. Родители были безутешны. Все селение погрузилось в печаль. Смерть ходила бок о бок с жителями горных долин постоянно. Условия жизни были таковы, что время от времени кто-то попадал под снежные завалы, погибал от лап хищного зверя во время охоты, бывало, что люди замерзали во время метели, заставшей их на открытом месте, когда они находились в пути. Но такого, чтобы в солнечный день, по дороге от одного селения до другого, расстояние между которыми всего-то миль семь, пропали уже не маленькие, а вполне самостоятельные четырнадцатилетний мальчик и пятнадцатилетняя девочка – такого никогда не случалось.

Конечно, в долину могла забрести стая волков, или даже снежная кошка, которая чрезвычайно опасна. Но Ругор бывалый охотник – без боя он себя и сестру на растерзание зверям не отдал бы. Конечно, случившаяся в ночь, после пропажи детей метель замела следы борьбы с диким зверем, но все же, все чувствовали, что что-то не так ... Что-то странное было в этом исчезновении и от того трагедия казалась еще более страшной. Необъяснимость случившегося придавала

событию особую мрачность и драматизм. Дикая звери почти никогда не доходили до этих мест. Слишком долгий путь, даже для них, по холодным, лишенным какой бы то ни было пищи снежной пустыне. Изредка волки появлялись здесь летом. А снежную кошку, пожалуй, так далеко от границы Алметин с низовьями, никто ни разу и не встречал.

Тигилай, едва сдерживая слезы, раздавленный горем отца потерявшего детей, с болью и тоской наблюдал день за днем как угасает жена, не в силах справиться с произошедшим ужасным, непоправимым несчастьем...

Глава 3. Предание

– Бабушка, расскажи сказку, – из-под толстой шкуры выглядывали озорные глаза.

– Цыц! Спите, негодные! – проворчала старая Аирим.

– Ну, ба! Ну, пожалуйста! Расскажи!

Уже две пары глаз смотрели на старуху. Она, делая вид, что сердится, сдвинула брови. Внуки хихикнули.

– Спите, говорю! – прикрикнула бабка.

– Бабулечка, ну пожалуйста! – маленькая Аните просительно посмотрела на нее.

– Страшную, про Алментинские горы, – уточнил Еши.

– Штаны обмочишь от страшной, – поддразнил, вырезавший возле очага, из кусочка дерева, фигурку быка, старший брат Замир. Еши возмущенно фыркнул. Вечно Замир его дразнит и смеется.

Аирим покосилась на внуков. Вот ведь напасть. Ночь уже, а им сказки подавай.

– Неужто, за день не умаялись?! Да и сто раз уж рассказывала, небось, слово в слово уж знаете... – проворчала она. Скрюченные, узловатые пальцы привычным движением вытягивали, из стоявшей у ног корзины, шерсть снежной козы, ловко сплетая ее в тонкую прочную нить.

– Бабушка, а почему Алметинские горы называют проклятыми? – решил схитрить Еши, в надежде, что бабушка нач-

нет сейчас отвечать на вопрос и заодно расскажет любимую детьми историю.

Старуха сердито шикнула.

– Тише, ты! Негодный! Услышит тебя Великий Оил и разгневается. Будешь тогда знать, как попусту языком своим болтать.

Дети замерли в трепете, немного напуганные, предупреждением старухи. Аирим прошептала молитву. Замиру тоже охота было послушать старое предание, которое просили дети.

– Ба, расскажи, они быстрее уснут, а то так и будут елозить в кровати.

Конечно ему уже семнадцать, даже почти восемнадцать. Почти взрослый мужчина. Но кто же не любит сказок? Особенно в уютной тишине, в жарком полумраке небольшой комнаты, когда огонь успокаивающе потрескивает в очаге, а весь остальной дом уже погрузился в глубокий сон после дневных забот. В углах прячутся густые, кажущиеся загадочными, скрывающими в себе что-то таинственное, тени. Самое подходящее время для занятой истории.

– Мы будем внимательно слушать. Тихо-тихо, – пообещала Аните.

– Да, ба, – подтвердил Еши. – И сразу уснем. Честно...

Старуха усмехнулась. Маленькие хитрецы. Где нужно – все соображают, знают как уговорить.

– Ладно, чтоб ни звука не слышала от вас, – предупредила

она. Дети закивали. – Расскажу уж, что с вами сделаешь.

Вздыхая, Аирим придвинулась поближе к горящему огню – старые кости требовали тепла. Дети, чуть дыша, боясь, как бы она не передумала, не смели торопить, хоть и сгорали от нетерпения, с трудом лежа спокойно и безмолвно на кровати под шкурой.

– Давным-давно, две тысячи лет назад, а может и еще больше, когда в низовьях не было еще и в помине княжеств, а все люди жили отдельными племенами, Алметинские горы были благодатнейшим краем, где всегда было тепло. Склоны гор и долины были покрыты густой травой и высокими деревьями, а о снеге и лютом холоде никто и слыхом не слыхивал. На обширных лугах пасся скот. У подножия гор лежали глубокие синие озера, в которых было полно рыбы. В густых лесах зверей и птиц было сколько хочешь.

Дети, никогда не видевшие, не то, что густого леса, но даже одного единственного деревца, не распиленного на дрова, а растущего из земли, не представлявшие ни синих озер, ни солнечного света, который бы не только ярко освещал землю, но и дарил тепло, слушали рассказ старухи, повторенный ею и впрямь уже не один десяток раз, как зачарованные. Не в силах даже представить все описываемые в нем чудеса.

– Жило в то время в Алментинских горах доброе, трудолюбивое племя. Люди племени занимались охотой, земледелием, разведением скота. Жили они в достатке и полном довольстве, потому что всего было хоть отбавляй. Кроме то-

го, в горных пещерах добывали они камни невиданной красоты. Искусные кузнецы делали для женщин племени красивые украшения. Часть камней алментинцы продавали. А в их жилищах стояли сундуки, доверху наполненные драгоценными камнями.

Старуха замолчала, и дети приподнялись в кровати, нетерпеливо глядя на нее. Аирим повернула голову, и внуки тут же юркнули обратно. Скрылись под шкурой с головой и замерли. Старуха улыбнулась.

– Не будете спать, не буду рассказывать.

– Мы спим бабушка, – пискнул тоненький голосок, и со стороны кровати послышалось громкое сопение.

– Негодники, – посмеиваясь, проворчала Аирим. Замир тоже сидел улыбаясь. Он знал, что бабка всегда специально пугала внуков, чтобы те не возились и не болтали.

– Однажды пришли в селение алментинцев люди, сказавшиеся купцами, прибывшими из далеких мест. Они желали купить камни и красивые меха, которые мастера были добывать местные охотники. Алментинцы были людьми гостеприимными, бесхитростными и открытыми. Гостей устроили на ночлег, наготовили угощений, устроили в их честь большой праздник. Только люди, пришедшие в селение, имели недобрые, черные помыслы. Были они такими же черными, как и их сердца. Во время пира подсыпали они сонное зелье в вино, и все мужчины в селении уснули беспробудным сном. А сказавшиеся купцами гости, достали спрятанное в

их повозках оружие и начали без всякой жалости убивать жителей селения. И спящих мужчин, и женщин, и детей, и стариков. Крик, стоны и плач неслись со всех сторон. Кровь залила землю и задрожала она от ужаса и вместе с ней и деревья, и холмы и горы. Никого не пощадили коварные, подлые убийцы. И когда не осталось в живых ни одного из жителей селения, начали злодеи ходить по домам, выносить из них сундуки с камнями и грузить их в свои повозки. Когда стали они ставить на повозку последний сундук, поднялся с земли старик. Был он тяжело ранен, истекал кровью, и жизнь еле теплилась в старом немощем теле. Поднял старик свои руки к небу и, собрав последние силы, закричал: «Великий Оил, создатель всего мироздания! Молю тебя, будь свидетелем того, что скажу я тем кто сотворил такое страшное зло, на благословенной тобою земле. Черна душа этих людей, черны их сердца и несут они в них огромное зло. Так пусть же воздастся им по их делам!». Один из убийц выхватил меч и направился к старику. Старик указал своей рукой на него и на его сообщников: «Проклинаю вас и ваши черные души. Пусть камни, ради которых вы загубили столько невинных жизней, не принесут вам ни богатства, ни радости, станут бесполезными для вас и принесут вам самим лишь боль, мучения и страдания. Проклятье это, будет лежать на вас до тех пор, пока хоть одна живая душа на земле не проникнется к вам чувством искренней благодарности, а этому не бывать!» – крикнул старик. Опустился на голову старика

тяжелый меч, и он упал мертвым к ногам убийцы. В тот же миг задрожала земля, пригнулись к земле деревья, и явился перед убийцами сам Великий Оил и три его прекрасных дочери. Ужас объял злодеев. Упали они перед божествами на землю и начали молить о пощаде. Грозно посмотрел создатель мироздания на убийц и обратился к своим дочерям, приказав им судить подлых убийц и воздать им по заслугам. Встали дочери Оила перед убийцами и произнесли им свой приговор. Старшая дочь Сели, повелительница тепла и света, приговорила их не видеть с этой минуты солнечного света и пребывать во мраке, таком же черном и непроглядном, как их собственные души. Зейра, царица животного мира трав, деревьев и всего что есть живого на земле, приговорила убийц к одиночеству, безмолвию и отсутствию вокруг них жизни, и повелела им пребывать во сне без сна – все чувствовать и все осознавать, но не иметь возможности двинуться с места. Младшая дочь Дериан, повелительница метелей и выюг, морозов и ветров швырнула к ногам убийц, обезумевших от страха, награбленные ими сокровища и повелела им пребывать в окружении одного лишь камня и вечного холода. «Вы хотели богатства и ради этого загубили целое племя, подлым и страшным образом. Отплатили за добро злом, – грозно сказала дочь Оила. – Вот ваши богатства. Они теперь принадлежат вам. Оставайтесь же с ними до скончания века, и пусть сознание того, что у ваших ног несметные сокровища, а вы не можете ими воспользоваться, принесет вам

еще большие страдания, чем тьма, неподвижность и одиночество». Дериан хлопнула в ладоши и поднялась страшная метель. Закружили ветры, повалил снег, скрывая под собой траву и деревья. В один миг замерзли синие озера. И благодатный край превратился в холодную, белую пустыню, окруженную неприступными горами, превратившимися из зеленющих холмов в голые безжизненные камни. Звери, населявшие долины, обратились в горных быков, коз, снежных кошек и волков и разбежались к границам холодного снежного края, поближе к теплу. А в самом сердце Алметин больше не было места ничему живому. Лесные птицы, распеваящие песни, превратились в орлов и белых сов и последовали за зверями. А вокруг застывших в вечном сне без сна злодеев, встали неприступные скалы, одна из которых скрыла их самих в своих каменных недрах, навсегда закрывая от лучей света. «Заклятье это будет нерушимо, до тех пор, пока не исполнятся все слова проклятья, произнесенного стариком, а этому не бывать» – крикнула Дериан и взмахнула рукой. Выюга улеглась, и Алметинские горы погрузились в мертвое безмолвие.

Огонь в очаге по-прежнему отбрасывал призрачные отсветы. По стенам подрагивали тени. Аните мирно посапывала, подложив под щеку маленькую ладошку, убаюканная рассказом.

– А где та скала, в которой спят сном без сна убийцы? – чуть слышно подал голос Еши.

– А ну, спи, негодный! – шикнула бабка. – Сейчас кликну отца, быстро тебе расскажет, кто, где спит.

Еши мигом нырнул в постель, укрывшись шкурой с головой.

– Нужно было вырвать каждому из убийц его черное сердце и заставить корчиться в мучениях, а не дарить вечный сон! Тоже мне наказание! – запальчиво сказал Замир.

– Ишь ты, какой! – усмехнулась старуха. – Божества не вырывают сердца злодеям. И не вмешиваются в дела людей. Люди творят много зла и много глупостей. Если бы не предсмертная мольба старика, Великий Оил ни за что не стал бы вмешиваться. Создатель мироздания, если пожелает, может послать удачу или исцеление от болезни. А решать дела между собой люди должны сами. И не забывай, что это предание, притом очень-очень старое. Кто знает, что из всего этого правда, а что нет. И наказание убийц, на самом деле страшное. Просто ты еще молод, Замир, и многого не понимаешь. Нет ничего ужаснее для человека, чем одиночество и тьма, которая не только вокруг него, но и внутри. Такой человек испытывает страдания намного более сильные, чем тот, кого подвергают жестокой пытке. Любую пытку можно вытерпеть, боль пройдет и закончится страдание. Ту же боль, которая живет внутри, человек ощущает постоянно, каждую минуту, день за днем, и она делает существование непереносимым.

Старуха отложила пряжу и, охая, пошла к своей крова-

ти. Заболтали ее внуки. Уж глубокая ночь, давно пора спать. Некоторое время спустя Замир тоже улегся. Но сон не шел. Вспоминался рассказ, хоть и слышанный много раз до этого, но всегда волновавший юношеское воображение, и слова сказанные старухой о том, какое наказание более страшное. Еши беспокойно ворочался в кровати, то ли видел тревожные сны, то ли тоже не спал, продолжая, как и старший брат, думать о злодеях. Только Аните посапывала, улыбаясь чему-то во сне, да бабушка в другом конце комнаты время от времени негромко всхрапывала, издавая протяжные, по-свистывающие звуки.

Глава 4. Сваты

Еши с завистью смотрел на отъезжающих. Он прекрасно знал, что его не возьмут, но ничего не мог с собой поделать. Поехать очень хотелось. Одна радость – Замир тоже остается дома, хоть он и намного старше. Ехать сватать невесту могут только мужчины, которым уже исполнилось двадцать зим. Замир тоже, то и дело, хмуро поглядывал в сторону готовившихся к отъезду, радостно улыбающихся, весело переговаривающихся между собой мужчин. Замир считал себя уже вполне взрослым. Да и побывать на большом веселом празднике в соседнем селении страсть как хотелось. Дома сплошная тоска. И из мужчин-то остаются только старый Мертига, которому давно уже за восемьдесят, да он сам и его приятель Орчи, который на год младше. Остальные и вовсе сопливые несмышлениши вроде Еши, так что они вообще не в счет. Замир вздохнул. Ладно, через несколько дней «сваты» вернутся с невестой и с гостями из ее селения, и тогда у них, здесь, устроят свадьбу. Будет большой праздник, несколько дней подряд. Тоже будет шумно и весело. Но уехать ненадолго из дома все равно хотелось...

Женская половина поселения наблюдала за отъездом мужчин со сдержанным спокойствием. Женщин сватать невесту не брали никогда, таков обычай. Да и дома женщинам всегда есть чем заняться. Скучать не приходится. Тем

более, нужно уже сейчас начинать готовиться к свадьбе. Девушки радостно улыбались, представляя, как приедут к ним в гости из Северного селения молодые парни. Как будут кружить они их в веселых танцах, петь песни и шептать нежные слова. Девичьи сердца от подобных мыслей замирали и начинали биться быстрее, на губах расцветали улыбки.

– Трогай! – крикнул Бернил, «старший» в селении. Караван из пяти саней, запряженных горными быками, тронулся в путь.

– Счастливой дороги! Легкого снега! Да пребудет с вами Великий Оил! Да уснут вьюги и метели и не скроют перед вами дорогу, и будет благосклонна к вам Дериан! – кричали вслед отъезжающим женщины, дети и старики.

Некоторое время спустя караван достиг границы долины и скрылся за цепью, гор.

– Добрый путь! – прошептала мать Замира, дождавшаяся вместе с ним момента, когда караван исчез из вида, и обняла старшего сына. – Не печалься, Замир. Оглянуться не успеешь, как сам будешь ездить с караваном за невестами для друзей, а потом и за своей суженой отправишься.

Мать засмеялась, а Замир фыркнул. Вот еще! Очень ему нужно жениться. Но, взглянув на радостно улыбающуюся мать, все же не удержался и тоже улыбнулся. Он в который раз подивился ее красоте. Отец всегда смотрит на мать полными любви глазами. Ей уже за тридцать, а она по-прежнему выглядит краше большинства молоденьких девушек.

Отец, как-то, когда был в веселом настроении, рассказал, как отбил мать у парня из ее селения. Родители сначала были против. Девушка уже просватана, не дело отказывать жениху, который вот-вот должен был заслать сватов, чтобы забрать невесту из родительского дома. Но потом, видя, как они влюбленно смотрят друг на друга, как сникают и страдают, слыша уговоры о том, что им нельзя быть вместе, потому что дело уже решено, махнули рукой и уступили. Замир вздохнул. Когда же уже ему тоже исполнится двадцать зим? Еще больше двух зим ждать!

– Замир, пойдешь, помоги старику, – кивнув на Мертигу, который с трудом потащил к себе в дом два полена, по одному в каждой руке, сказала мать. Замир побрел к соседскому дому. Он не прочь помочь немощному деду, но как было бы здорово сейчас ехать на санях с остальными! Петь песни, перебрасываться шутками, слушать интересные истории, которые мастера рассказывать его старшие приятели Волар и Периг, отправившиеся с остальными, потому что им уже по двадцать одной зиме.

–

Быки быстро бежали по твердому промерзшему насту, с легкостью увлекая за собой большие нагруженные сани. Кроме «сватов», которых вместе с женихом было пятнадцать человек, в санях были многочисленные подарки для невесты, ее родных и для всех жителей селения. Сладости для ребятишек. Лица у всех были радостные. Поездка была при-

ятной – повод-то самый, что ни на есть праздничный. Свадьба. Новая семья. Новое счастье. Скоро в селении прибавится ребятишек. Над снежной долиной разнеслась удалая песня, которую подхватили все ехавшие в санях.

– Ох, Карам, а ты знаешь, что с невестой-то делать? – подмигнул Периг жениху. Остальные захохотали. – Если, что не стесняйся, мы тебе всегда расскажем. Научим, что и как, чтоб ты не оплошал и молодая жена от тебя не сбежала.

– Языком чесать, ты научить можешь, это да, – весело отозвался нисколько не смутившийся жених. – На словах-то ты во всем горазд, это всем известно. Любого спроси, кто первый зубоскал и пустомеля, так, не задумываясь, ответят – Периг. – Карам засмеялся и мечтательно посмотрел вперед. День был ясный. Снежная дорога отличная, твердая и ровная. Через несколько часов, он, наконец, увидит свою ненаглядную Зарему и больше уже с ней не расстанется...

–

В Северном селении царило радостное оживление. Приезд гостей – это всегда великое событие. Мало того, что это большая радость, так еще и повседневная жизнь, в общем-то, размеренна и однообразна и так хочется порой праздника. «Сватовство» и вовсе праздник особенный. Самый радостный, желанный и веселый. Сваты привезут подарки, будет настоящий пир, с множеством угощений. Шумное веселье, песни, пляски. Будет рассказано немало веселых историй. Будут бесчисленные забавные розыгрыши. А потом начнут-

ся сборы в гости уже в селение жениха, не менее радостные и приятные. А там праздник продолжится самой свадьбой.

Женщины сновали возле печей, готовя все новые и новые кушанья. Не было ни одного человека, не занятого подготовкой к предстоящему событию. Морозный воздух возле домов пропитался вкусными, пробуждающими аппетит, дразнящими запахами. Из каждого дома пахло пирогами, запеченным мясом, похлебкой, киселем, грибами в сметане с травами, сладким печевом. Мужчины тоже находились в радостном предвкушении встречи с товарищами, вечерних посиделок с трубочкой табака и кружкой крепкого пива. Как и положено мужчинам, они вели себя более сдержанно, не выказывая излишнего нетерпения и не выглядывая то и дело во двор – не едут ли гости, но глаза радостно блестели, губы, то и дело, трогала улыбка.

Невеста, наряженная в праздничную алую рубаху, с заплетенными и убранными наверх толстыми темными косами, перевязанными яркими лентами, со вдетыми в них золотыми колечками, с замиранием сердца ждала, когда же наконец придет ее суженый, ее дорогой любимый Карам, лучше которого нет никого во всем свете. Ожидание было и радостным и томительным. Так и хотелось броситься на улицу и бежать навстречу любимому. «Скорей бы! Скорей бы!» – пело девичье сердце. Мать Заремы вздохнула и украдкой утерла слезы. Любимая дочь через пару дней уедет из дома, из родного селения к мужу. И не так далеко – полдня пути, а

материнское сердце разрывалось от предстоящей разлуки.

– Чего ревешь? Глупая, – ухмыльнулся муж, обнимая жену. Предстоящая разлука с дочерью печалила и отцовское сердце, но не дело мужчине показывать свои переживания. – Радоваться нужно – дочь замуж выходит, вон светится вся, улыбка с губ не сходит. А ты ревешь!

– Да я радуюсь, – махнула жена рукой. – Это я так... Ведь уедет, звездочка наша, из родного дома...

Мать Заремы снова всхлипнула, не в силах совладать с собой. Муж покачал головой – женщины, им лишь бы был повод, а уж слезы-то у них всегда наготове.

Гости задерживались. Уже начали опускаться на землю сумерки. Небо было ясное, и видны были загорающиеся то тут, то там звезды. Скоро уже весь небосвод был усеян светящимися точками.

– Что-то гости наши задерживаются, – проворчал один из стариков, гревшихся возле очага. Уже неплохо было бы выпить кружечку крепкого темного, пахнущего травами и медом пива за здоровье и счастье молодых.

– Может с выездом задержались? – пожал плечами другой старик. – А может в дороге чего?...

– Может...

На улице совсем стемнело. Караван давно уже должен был приехать в селение. Даже если в дороге, поломались, к примеру, одни из саней, или у быков порвалась упряжь, так что дальше ехать нельзя, пока не починят, кого-нибудь отправи-

ли бы вперед, предупредить о задержке.

Собравшиеся в самом большом из домов, в ожидание гостей, обитатели селения начали испытывать некоторую досаду, постепенно, чем дольше длилось ожидание, переходившую в волнение, и затем уже в тревогу. Правда, в караване, наверняка человек пятнадцать, а то и двадцать взрослых сильных мужчин. Что может с ними случиться? Даже если сюда каким-то чудом забрела большая стая волков, такому большому количеству вооруженных копьями и луками людей они страшны. Волки не нападут, чувствуя, что сила не на их стороне, а и нападут, так бывалые охотники отобьются от них без особого труда. Снежный обвал? Дорога между селениями не проходит в тех местах, где случаются сходы лавин. Все пребывали в недоумении. Невеста уже всерьез начинала нервничать, хоть и старалась не подавать вида. Все сильнее всех присутствующих охватывало беспокойство. Прекратились веселые пересмеивания. Девушки не заводили больше песен, как днем, во время подготовки к празднику. Даже дети притихли, не осмеливаясь приставать к взрослым с вопросами, когда же уже можно будет сесть за стол и начать есть многочисленные вкусные блюда, расставленные на нем. В доме, под крышей которого собралось больше, полусотни человек, было непривычно тихо. Только огонь потрескивал в печи и очагах в разных концах дома, да звучали, время от времени, отдельные слова, брошенные кем-то из присутствующих, чуть ли не шепотом.

Когда уже не женщины и молоденькие девчонки, начали выглядывать на улицу, что бы посмотреть не едут-ли долгожданные гости, а наоборот взрослые, всерьез обеспокоенные мужчины, и уже даже стали подумывать, не поехать ли на встречу каравану посмотреть, что там могло приключиться, во дворе, наконец, послышался шум. Захрустел заледеневший снег. Все разом повернули головы к двери. Зарема привстала со скамьи, с горящими глазами и пылающими алым, в цвет рубахе, румянцем щеками. Аюрмал, как «старший» из мужчин селения, шагнул к двери, чтобы поприветствовать гостей как положено, по всем правилам. В это мгновение, дурачок Ирита́й, неподвижно сидевший, как и во все другие дни после своего «ночного» приключения, в дальнем углу комнаты, вскочил с места и, глядя на собравшихся диким взглядом, во весь голос заорал. Женщины вскрикнули. Даже мужчины вздрогнули от неожиданности.

– Бя! – закричал Ирита́й, мечась по комнате, тыча пальцем в сторону двери и вращая глазами. На губах у него выступила пена. – Бя!!!

Аюрмал уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на дурака, но Ирита́й снова заорал, еще страшнее и пронзительнее, чем перед этим, а затем завыл и одновременно зарычал как зверь. Тут уж не только женщины заохали и уставились на него испуганно. Мужчинам тоже стало не по себе. Кто-то прошептал молитву, кто-то дотронулся до оберега на груди. Ирита́й начал бросаться из стороны в сторону, выкрикивая что-то

непонятное, перемежая выкрики с воем и рычанием.

– Замолчи, безумный! – вскочив с места, закричала Зарема, сотрясаясь всем телом от ужаса и рыданий, подступивших к горлу. – Беду накличешь, дурак пустоголовый!

Иритай, не обращая внимания на слова девушки, как будто не замечая никого вокруг, продолжал кружить по комнате и кричать. Дети заплакали, женщины запричитали, начали читать молитвы. Распахнулась дверь, и в жаркий натопленный воздух ворвались порывы морозного, обжигающего кожу ветра.

Глава 5. Тени во тьме

Жители Западного селения, или как называли его алметинцы, Крайнего, потому, что сразу за ним начиналась цепь неприступных, непроходимых для человека гор, на праздник «сватовства» к своим ближайшим Северным соседям не поехали. Заранее отвезли подарки для молодых и выразили свою искреннюю радость по поводу предстоящего события. После исчезновения Ругора и Сабилы прошло два месяца. В селении все еще был траур. Не дело ехать веселиться, после того, как произошла такая страшная трагедия.

К вечеру воздух стал таким морозным, что Дамира, навещавшая несчастную мать пропавших детей, пустилась к дому чуть не бегом. Холод проникал даже сквозь толстый мех шубы из горного быка. Дамира потеряла лицо, а то можно и щеки и нос обморозить. Холодный воздух был наполнен острыми кружащимися снежинками. Вроде вечер был такой ясный. Все, хоть на праздник и не поехали, порадовались, что «сватам» досталась легкая дорога, ясная, безветренная и не слишком морозная. А потом поднялся ветер, небо заволокло тучами, и пошел снег. Не иначе, ночью разыграется метель. Дамира побежала еще быстрее. Лицо уже горело и руки, даже сквозь рукавицы начинали подмерзать. Видно мороз-то усилился не на шутку, просто невозможно терпеть. Сзади, сквозь завывание ветра послышался звук, как будто

ломается замерзший снежный наст. Дамира оглянулась, пытаясь, сквозь снежную, кружащуюся муть, разглядеть, чтобы это могло быть. Может, один из быков бродит? Как он умудрился проломить снег-то в такой лютый холод? Снег смерзся как камень, ему даже копыта быка нипочем. В темноте, да еще во время метели разглядеть, что то почти невозможно. Если это бык, то уж он-то не пропадет, главное, чтобы ногу не повредил, если и впрямь в снег провалился. Умное животное найдет дорогу в любую метель и не замерзнет, какой бы мороз не ударил. Когда Дамира уже начала поворачивать голову в сторону дома, ей показалось, что мелькнула какая-то тень. Снова что-то хрустнуло.

– Тикай! Тикай! – стараясь перекрычать ветер, крикнула женщина. Бык не отозвался.

Дамира побежала к дому. Она была уже у самой двери, когда снова послышался хруст снега.

– Тикай! – позвала она.

В ответ слышно было только завывание вьюги. Дамира постояла в нерешительности. Пальцы рук и ног начинали неметь. На таком морозе невозможно стоять, даже несколько секунд. Руки и ноги моментально замерзают.

– Тикай!

Снова почудилась мелькнувшая тень. Хотя, какая тень может быть ночью во время вьюги, когда на расстоянии вытянутой руки ничего не видно? Дамира вошла в дом.

– Где ты ходишь? – сердито проворчал муж, но во взгляде

его читалось волнение. – Метель и мороз страшный. Я уж думал идти тебя искать.

– Арид, там, кажется, бык бродит, наверное выбрался из загона. Я видела какую-то тень и слышала, как снег хрустит...

Муж махнул рукой.

– Не болтай. Какая тень? Какой снег хрустит? Метель. Ветер воет. Снег твердый, что его только топором и прорубишь. Тебе все показалось. А если и впрямь бык, так ничего страшного. Они любую бурю спокойно переносят, сама знаешь. Ничего с ним не случится. В другой раз будет знать, как уходить из-под крыши и от еды, – муж улыбнулся. Он и впрямь волновался за жену и обрадовался, что она, наконец, пришла. После пропажи Ругора и Сабилы, всякие мысли в голову лезут...

Дамира кивнула и пошла к очагу, разогревать ужин. Но, почему-то она никак не могла выкинуть из головы то, что как считает муж, ей почудилось и послышалось. Арид прав. Услышать или увидеть, что-то во время вьюги, почти что невозможно. Но она была уверена – она видела и слышала.

Глава 6. Свадебный караван

Караван, уехавших мужчин, а заодно и караван гостей, которые приедут на свадьбу, ожидали назад на третий-четвертый день, после отъезда.

За подготовкой к важному событию время пролетело незаметно. Женщины занимались готовкой, украшением домов. Замир и Орчи, после случившейся в ночь после отъезда каравана метели, два дня расчищали снег, которого навалило чуть не на метр в высоту. Сбрасывали снег с крыш, расчищали тропинки между домами. К вечеру руки отваливались от махания топором и работы деревянными скребками для расчистки снега. Следующие два дня мальчишек заставили помогать на кухне. Носить дрова, таскать припасы из погребов и из амбара, где хранились запасы муки, круп, вяленого и мороженого мяса. Девушки, занятые готовкой, чувствуя свою власть в данный момент, со смехом гоняли молодых ребят по делу и без дела – принеси то, унеси это. Замир и Орчи совсем умаялись и уже не знали, что хуже: убирать мерзлый снег или быть на побегушках у разошедшихся, шаловливых девчонок, то и дело придумывавших совсем бессмысленные и бесполезные поручения, просто из озорства. На четвертый день все было готово к встрече гостей. Начиная с обеда праздничный караван ждали с минуты на минуту, но наступила ночь, а гости так и не приехали. Конечно,

все испытали некоторое разочарование. Но никто особенно не удивился. Загуляли в Северном селении. Пир по случаю сватовства затянулся. Видно двух дней показалось мало и решили и прихватить и третий. Значит веселый праздник. А там еще день на сборы, значит, свадебная процессия пребудет завтра.

– Ну, ничего, – улыбнулась мать. – Зато, мы все как следует подготовили. Сегодня отдохнем, а завтра с новыми силами встретим гостей, и тоже будем праздновать. – Она засмеялась. – Они-то приедут уставшие, квелые. А мы будем свежие, повеселимся от души. – Мать потрепала темные кудри сына.

Замир был не согласен с подобным утверждением. Он и сейчас был полон сил и готов гулять и веселиться. Ему не терпелось поскорее встретиться с товарищами. Хотелось, чтобы праздник уже побыстрее начался. А то они там все гуляют, уже целых три дня, а он здесь целыми днями снег чистит, да выполняет глупые поручения по хозяйству, половина из которых просто выдумка вредных девчонок, вообразивших себя невесть кем.

Первую половину дня накрывали столы – сегодня-то уж мужчины и гости точно приедут. Женщины и тут не упустили своего, пользуясь временной властью обретенной над мужчинами – отправили Замира и Орчи выколачивать шкуры. «Займитесь делом, а то только под ногами путаетесь. Мешаетесь только», – с важным видом заявила шестнадца-

тилетняя Тамлу, указывая ребятам на ворох шкур, которые нужно было выбить. Замир и Орчи одарили разважничавшуюся девчонку хмурыми взглядами. Ничего, праздник закончится, они ей устроят. Командирша нашлась!

После обеда Замир то и дело выскакивал на улицу, посмотреть, не показался ли вдали, возле гор караван. Еши выскакивал вслед за старшим братом и, в конце концов, мать прикрикнула, что они оба и сами наглотаются ледяного воздуха, выскакивая раздетые, и выстудят весь дом, постоянно открывая дверь.

– А ну уймись! Замир! Такие страшные морозы! О чем ты думаешь?! Ты же старший!

Замир показал младшему брату кулак – из-за него он теперь даже не может посмотреть, когда же появится караван. Он бы с радостью отправился навстречу, несмотря на и впрямь лютый мороз, но не положено ехать встречать караван, везущий невесту. Примета плохая. Хотя Замир считал, что примета глупая. Чем это может повредить будущей семье? Или он не видел невесту раньше? Сто раз видел, а тут вдруг нельзя. Чушь, а не примета.

Он уселся у очага вырезать новую фигурку из дерева. Когда они ездили в низовья, хоть туда-то его, слава Оилу, уже брали, Замир видел красивую черную, переливающуюся синим и зеленым птицу. Вот такую птицу он и решил вырезать. Подарит сестре с братом, Аните обожает слушать рассказы про птичек, которые живут в низовьях, ей кажется, что это

самые прекрасные создания. Вот пусть и порадует. Замир так увлекся вырезанием, что даже забыл ненадолго о предстоящей свадьбе. Время незаметно приближалось к закату.

– Может, случилось что в пути? – с легким беспокойством в голосе, сказала мать, и накинув шубу, сама выглянула за дверь. На улице уже начало темнеть. Каравана не было.

На следующий день, и в наступивший за ним еще один день, караван так и не приехал. Никто, из оставшихся в Южном селении не знал, что и думать. Никакого объяснения такому долгому отсутствию не было. Всех одолевали тревожные мысли. Что-то случилось. Только вот что?

Мать ходила туда и обратно по комнате, в которой уже два дня как должны были пировать гости. Взгляд прекрасных глаз был тревожным, растерянным. На бледном лице застыл страх, который она пыталась скрыть от детей.

– Не знаю даже, что и подумать, – вполголоса, чтобы не услышали младшие, сказала она Замиру.

– Завтра утром мы с Орчи поедem в Северное селение, – сказал Замир, твердо глядя матери в глаза. Пусть он не достиг возраста взрослого мужчины, но сейчас он старший мужчина в их селении, и вправе принимать решения. Мать в отчаянии протянула руки к сыну.

– Замир!... – в ее голосе слышались мольба и отчаяние.

– Он прав. Они должны поехать, узнать, что произошло, – сказала Аирим, с хмурым видом, сидевшая возле очага. Она как и остальные терялась в догадках по поводу случившего-

ся, но в том, что произошло что-то дурное она была уверена. Мать обессиленно опустила руки и молча пошла к себе. На глазах у нее дрожали слезы.

—

— Как ты думаешь, что могло случиться? — вглядываясь в ровную белую поверхность долины, простирающуюся до едва видных впереди голубовато-серых гор, спросил Орчи, легонько направляя поводьями движение быков.

— Я не знаю, — честно признался Замир. На душе было тяжело. Что-то нехорошее случилось. — Я боюсь, что случилось что-то... плохое...

Орчи кивнул. Что-то и впрямь произошло, раз мужчины их селения, их отцы, старшие братья, родные и соседи, а заодно и жители Северного селения не приехали на свадьбу. Один, даже два дня задержки, еще можно было как-то объяснить. Но четыре. Что-то произошло, и вероятно, какая-то беда. Орчи был на одну зиму младше Замира. По хорошему, им обоим полагалось сидеть дома, но в селении остались только женщины, дети, старики и они — одному семнадцать зим, другому шестнадцать.

Спустя два часа они достигли гор, казавшихся, когда они только въехали в долину, крошечными бугорками на горизонте. На самом деле, гряда, опоясывающая соседнюю с их селением долину, по которой они сейчас ехали, возвышалась, чуть не до самого неба. Горы были огромны. Если бы не удобный широкий проход, образованный, вероятно сот-

ни, а может быть и тысячи лет назад, их невозможно было бы преодолеть.

За горами располагалась еще одна долина поменьше, а за ней Северное селение. Оставив позади дорогу пролегающую между гор, быки вновь помчали сани по твердому сверкающему насту снежной равнины быстро и резво.

Замир подумывал о том, не дать ли животным отдых, когда Орчи, заметив, что-то в стороне от саней, притормозил, натянув кожаные ремни упряжи.

– Смотри! – он показал, на то, что торчало из снега, в нескольких десятках метров от остановившихся саней. Из ровной белой поверхности примерно на полметра в длину из снега выступало что-то тонкое и вытянутое, покрытое заледеневшей белой коркой.

Ребята спрыгнули с саней и, попробовав наст на прочность, исключительно по привычке, даже быки не проваливались, настолько сильно все подморозило, резво побежали к находке.

Замир, не в силах оторвать взгляд, от торчавшего из снега предмета, ухватился за него и с немалым трудом вытащил из снега. Это было охотничье копьё. Орчи посмотрел на приятеля. В глазах его была тоска и осознание чего-то неотвратимого и страшного. Ни один охотник не оставит свое копьё торчать в снегу. Слишком ценятся здесь в горах, где нет ни единого деревца, такие вещи как стрелы, луки и копыя. Вообще все, что сделано из дерева.

Замир не отрываясь смотрел на копьё. Тело у него застыло, отказываясь двигаться. И мысли в голове застыли, противясь осознанию напрашивающегося вывода, что тот, кому принадлежит копьё, оставил его здесь потому, что сам он уже мертв. Это единственное объяснение, того, что копьё торчит из снега посреди горной долины. Еще одна метель скрыла бы древко копья полностью, и они бы уже не нашли его. И даже не догадались бы, что что-то произошло на этом самом месте. Выйдя из состояния оцепенения, ребята вновь переглянулись и оба, разом, бросились к саням. Схватив скребки и топоры, побежали обратно. Ловкие, сильные руки заработали с невероятной быстротой. Топоры взлетали и опускались на промерзший снег. Тут же снова взлетали и опускались. Уже через несколько минут обоим стало жарко. Пот стекал со лба из-под толстых капюшонов, спины под шубами взмокли. Оба тяжело дышали, оба не останавливались ни на минуту. Когда снег стал чуть податливее, в ход пошли скребки. Мальчишки наклонялись, и через секунду в сторону летел полный скребок снега. И так раз за разом. Бессчетное множество раз. Кровь тяжело стучала в висках. Сердце бухало. Внезапно скребок Замира наткнулся на что-то твердое. Он свесился в выкопанную ими яму и заработал руками, пригоршнями выгребая снег. Орчи вовсю помогал.

Невидящими, побелевшими, превратившимися в две застывших льдинки глазами, в небо смотрел Периг. Шутник и весельчак, всеобщий любимец, лучший певец на все три

селения, знавший множество шуток и еще больше историй смешных и страшных, сказочных и случившихся в действительности. Замир застыл над покрытой кристалликами льда, как будто поседевшей головой друга. Он хотел закричать, но не мог. Легкие, как будто сжались, превратились в крошечный комок. Орчи всхлипнул и отшатнулся от ямы. Замир услышал, что он дышит часто-часто и тяжело, как уставший от долгого быстрого бега бык. Минуту спустя Орчи снова нырнул в яму и заработал скребком еще яростнее и быстрее чем прежде. По щекам его катились слезы и тут же замерзали, а из глаз уже выкатывались новые, застывая поверх предыдущих. Замир тоже заработал скребком, отчего-то повторяя, то ли вслух, то ли мысленно, он и сам не знал: «Великий Оил, Великий Оил...».

Рядом с Перигом был Волар. У него было разорвано горло. Рана была страшная. Шуба и снег вокруг потемнели от замерзшей крови. Застывшее лицо казалось удивленным.

Замир и Орчи, не останавливаясь, копали до темноты. Быки жалобно начали мычать, сообщая о том, что проголодались, но ребята не обращали внимания на призывы животных. Они продолжали копать. Когда Орчи наткнулся на отца, он всхлипнул и заплакал во весь голос, но не остановился, а продолжил все дальше и дальше перекапывать замерзший снег. Здесь были и Карам, так и не доехавший к своей красавице Зареме. И Бернил – теперь в их селении нет больше «старшего» из мужчин. Теперь у них вообще нет мужчин.

Есть только вдовы, сироты и старые, немощные старики. Когда уже совсем стемнело, мальчишки нашли отца Замира. Отчего-то Замир подумал о матери, как потемнеет ее прекрасное лицо от горя. Как погаснут глаза. Уйдет с губ улыбка... Замир закричал. Его крик разнесся над долиной. А потом прокатился эхом, вторя ему, повторяя... Замир повернул голову и увидел, что это Орчи также как и он кричит во весь голос.

Они откопали всех. Все пятнадцать, уехавших сватать невесту соплеменников были здесь. Замерзшие, неподвижные. Со страшными белыми глазами. Со страшными ранами на телах.

Покачиваясь от усталости, мальчишки побрели к саням. Нужно было доехать до следующей долины. Жители Северного селения, помогут отвезти тела погибших. Нельзя оставлять их здесь. Вьюга заметет их, и тогда их уже не найдешь. Странно, что за столько дней жители Северного селения не начали беспокоиться, что гости, о приезде которых они знали, и естественно готовились к встрече, так и не появились. Но мальчишки были настолько потрясены и так сильно устали, что эта мысль просто мелькнула в их головах, не вызвав особого интереса или тревоги.

Почти ничего не соображая и не чувствуя они проделали остаток дороги.

Глава 7. Селения

В Северном селении было темно. Ни одно окошко, с помощью которых ориентировались в темноте жители, и те, кому случалось приехать в селение после захода солнца, не светилось. Замир и Орчи переглянулись. Сердца, казалось, уже потерявшие после сегодняшнего всякую способность чувствовать, вновь сдавило недоброе предчувствие.

Глядя перед собой невидящим взглядом, оба паренька пошли вперед. Только теперь, когда они подошли совсем близко к домам, в свете звезд и ярко светившей полной луны, они увидели, что Северного селения больше нет. Большая часть домов стоит наполовину разрушенными. В загоне нет ни одного быка. Мальчики вошли в ближайший из домов. Замир чиркнул огнивом и зажег пропитанную смесью жира и смолы лучину. В доме было холодно и пусто. Стены мебель, коврики на полу – все покрывал толстый слой инея.

В одном из домов рядом с дверным проемом лежала мертвая старуха. Тело, как и все внутри дома покрывал толстый слой инея, и о том, что это старуха они догадались, по зажатой в застывшей руке, палке. Двери в доме не было. Ее буквально выдернули вместе с петлями, судя по вывороченным из косяка кусками дерева.

Шатаясь, не видя ничего, не думая ни о чем, они добрались до самого большого дома. Часть дома развалилась почти до

основания. Сквозь проломы в стенах во время метели внутрь нанесло снега. Ничего невозможно было рассмотреть. Но Замиру и Орчи не требовалось вновь раскапывать снег, чтобы узнать, что там под ним. Они и так знали, что там те, кто готовил праздничную встречу. Хозяева, не дождавшись гостей, не забеспокоились потому, что их больше уже ничего не беспокоило – они были мертвы, также как так и не доехавшие до них гости.

Замир посмотрел на приятеля. Глаза у него были пустые, безжизненные. И голос тоже звучал безжизненно, равнодушно.

– Сейчас покормим быков и поедem в Крайнее селение.

– Да, – ответил Орчи таким же безжизненным, бесцветным голосом.

–

Они увидели мерцающий огонек, едва въехали в долину. Чем ближе они подъезжали, тем отчетливее видели, что огонек, указывающий путь в ночи, в самом удаленном селении от их собственного, всего один.

Большая часть домов была разрушена, но несколько остались целыми. Мальчишки направились к тому, где горел свет. Перед очагом, как попало, были свалены поленья. Целая гора. Огонь горел ярко и радостно, создавая ощущение, что все в порядке, ничего не произошло и все плохое им только привиделось. Комната, судя по обстановке была «общей», той, где семья собиралась за столом, где принимали

гостей, играли дети, разговаривали взрослые. Где проходили милые и уютные вечера, после долгого дня, наполненного работой и заботами, где звучал смех, где обитатели дома были счастливы... Напротив очага, прямо на полу сидела скрюченная фигурка, закутанная в шубу, несмотря на то, что в комнате было очень жарко натоплено.

Замир подошел поближе.

– Эй!

Его глаза встретились с огромными испуганными глазами. Увидев перед собой двух парней из Южного селения девочка скривила рот, разинула его, и издав тоненький протяжный писк, завывала во весь голос. Замир обнял ее и прижал к груди. Худенькое тельце вздрагивало в его руках, сотрясаясь в рыданиях. Замир чувствовал, как горячие, обжигающие слезы падают на его руку.

Он хотел спросить, что случилось, но не мог. Он не мог произнести ни слова, и даже не знал, хочет ли он услышать, ответ на вертевшийся в голове вопрос, почему изо всех жителей двух селений они нашли только ее. Одну маленькую перепуганную девочку, сидящую перед жарко горящим очагом, спасающуюся от холода и собственного страха, от того, что ей пришлось пережить, свидетельницей чего пришлось стать.

– Они... Они... – всхлипывая, попыталась сказать девочка и снова расплакалась.

– Все. Успокойся, – глядя светлые, растрепанные волосы,

ласково сказал Замир, найдя, наконец, в себе силы заговорить. – Успокойся, Лиа.

Девчонка затихла, продолжая беззвучно вздрагивать всем телом. Постепенно она замерла в его руках. Слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание. Глаза у нее закрывались, вероятно, она долго не спала, то ли боялась, то ли не могла уснуть. Замир довел ее до лавки застеленной мягкой шкуркой. Она легла и тут же уснула.

– Что происходит? – хриплым голосом спросил Орчи.

– Не знаю, – покачал головой Замир. – Нужно поспать. Завтра с утра едем домой.

Голос у него дрогнул. Орчи кивнул и отвел глаза. Оба подумали об одном и том же, и эта мысль была еще ужаснее, чем все, что они пережили за сегодняшний день.

Глава 8. Возвращение

– Я не видела, что случилось, – глядя вдаль, сказала Лиа. Она говорила отрывисто, стараясь сдержаться и не заплакать. – Мама пошла проведать соседку, мать пропавших Ругора и Сабилы. Замир и Орчи кивнули, в знак подтверждения того, что печальная весть дошла до их селения.

– Она после этого слегла, а в последние дни совсем стала плоха. Боялись, что она долго не протянет...

Девочка тяжело вздохнула. Пару минут она молчала, собираясь с силами продолжить рассказ.

– Когда мы пришли, несчастная попросила сварить кисель. Мама обрадовалась – она почти ничего не ела, а тут вдруг попросила... Я спустилась в погреб за ягодами, но никак не могла их найти. А потом... – Лиа всхлипнула, но взяла себя в руки и продолжила: – Потом раздался страшный грохот и крики. И мама закричала: «Лиа, не выходи! Сиди там! Не смей выходить!». Потом снова что-то загрохотало, я услышала мамин крик...

Она тяжело дышала. Слезы душили ее, но она все же закончила рассказ:

– Я очень испугалась. Не знаю, сколько времени я просидела в погребе. Я очень сильно замерзла. Сверху ничего больше не было слышно. Я хотела выйти, и боялась... В конце концов, когда я больше уже не могла терпеть холод, и

лучины у меня закончились, осталась последняя, я подняла крышку погребца и выглянула. В доме было темно. И холодно – дверь была распахнута... Когда я поднялась по ступенькам... я увидела маму... Она лежала с открытыми глазами, и я сначала подумала... что она просто лежит... Я подошла и поняла...

Она заплакала.

– Во всем селении никого больше не осталось... Все умерли... Вернее их всех убили... И я не знаю кто! Кто мог такое сделать?!

Замир помотал головой

– Мы не знаем, Лиа...

Она печально посмотрела на него.

– Я натаскала дров, и сидела возле огня. Я не знаю сколько. Я боялась спать. Я боялась выйти из дома, боялась всего... И я думала, что зря мама велела мне не выходить... Лучше бы я тоже умерла тогда... Сразу... – тело ее вновь начало содрогаться от рыданий.

– Успокойся, – Орчи обнял ее и прижал к себе, покачивая как маленькую. В глазах у него была ненависть – ненависть к тем или к тому, неведомому, неизвестному, кто сотворил такое. Его душа жаждала мести. Орчи сжал свободной рукой рукоять охотничьего ножа отца, который он забрал, когда они откапывали мертвые тела из-под снега. Они отомстят. Обязательно отомстят. Они заставят ответить того, кто погубил их родных, близких, друзей. Взгляд у него

был страшный.

—

Было еще светло, поэтому они сразу увидели все. Лиа тоненько пронзительно заголосила. Орчи замер, лицо его бледное, перекошенное страданием, превратилось в маску. Замир зажмурил глаза, замотал головой.

Они опоздали совсем немного. Над крышей одного из домов из трубы еще поднимался, уходя в морозный воздух, прямо вверх, уютный дымок. Половина дома была разрушена, а дым из трубы продолжал идти. И это было ужасно страшно. Страшнее всего, что им довелось увидеть за эти два дня. Потому, что совсем недавно, возможно в то время когда их сани ехали по тропе между гор, окружавших долину, все здесь было еще по-прежнему. Была жизнь, такая же, как всегда, привычная и размеренная. Были люди. Близкие им, любимые и родные. И все они были живы. А сейчас ничего не осталось, кроме разрушенных домов, ледяного безмолвия и струйки дыма, идущей из трубы уже не существующего и никому не нужного дома. Возможно там, в уцелевшей части дома на печи продолжает готовиться вкусная похлебка, которую уже некому есть...

— Нет!!! Нет!!! Нет!!! — заорал Замир, чувствуя, как легкие разрываются от этого дикого крика. — Нет!...

Прямо на снегу, среди развалин, у загона для быков лежало что-то темное, бесформенное. Только вернувшиеся домой мальчишки, и приехавшая с ними Лиа абсолютно точ-

но знали, что это. Это тела их соплеменников. Тех, кого они видели каждый день, с кем смеялись, разговаривали, делили радости и горе.

– Аaaa! Аaaa! – казалось, сердце вот-вот разорвется от невыносимой боли. Больше всего Замир хотел, чтобы оно и впрямь разорвалось. Потому, что жить больше было не зачем. Их жизнь закончилась. Вчера. В тот момент, когда они достали из снега копье. Они еще не знали об этом тогда, но их жизни больше не было. Ничего больше не было...

На неслушающихся ногах он дошел до того, что осталось от дома, в котором еще несколько дней назад так счастливо жила его семья. Дом, в котором царила любовь и радость, звучал смех, звонкие голоса Еши и Аните... Замир дернул перекосившуюся, болтающуюся на одой петле дверь. Он обрушился на нее с яростью. Вырвал оставшуюся петлю и отшвырнул тяжелую дверь, которую в другое время с трудом смог бы даже приподнять, далеко в сторону. В доме все было перевернуто. Стены уже подернулись тонким, полупрозрачным слоем инея. Задней части дома больше не было, вместо стены видны были горы и белые сугробы. А прямо рядом с домом, раскинув руки в стороны, лежала маленькая женская фигурка. Глядя перед собой безумным, застывшим взглядом, Замир прошел через разлом в стене и опустился на колени перед неподвижной фигуркой.

– Мама... – просипел он едва слышно. – Мама...

Она смотрела вверх, в сияющую прозрачную голубую

высь. Густые черные волосы разметались по белому снегу. Лицо было как всегда прекрасным, только не живым. И кожа почти такая же белая как снег. В середине груди у нее была большая глубокая рана. Шуба была залита кровью. И снег вокруг в алых брызгах, а рядом с телом он весь сделался красным. Сначала Замир даже не обратил на это внимания... Он затрясся от беззвучного плача. Слез не было, тело просто содрогалось в конвульсиях. Возможно, даже слезы у него закончились...

– Мама...

Замир отнес тело матери в дом, в их с отцом спальню, положил на постель и прикрыл ее шкурой. Интересно, она встретилась с отцом, там, где они сейчас? Мысль мелькнула и исчезла. Он не мог думать. Он не мог думать о них. Если он начнет думать сейчас, он сойдет с ума.

Он вновь вышел на улицу, обошел обломки разрушенной стены, валявшиеся на снегу. Внезапно слух уловил едва слышный шорох и тоненький звук, похожий на писк или всхлипывание. Замир застыл на месте.

– Эй! – позвал он, неуверенно. Скорее всего, воображение разыгралось, не выдержав всех потрясений. Снова, что-то пискнуло. Замир бросился к груде камней, в которую превратилась стена дома.

– Эй! Кто здесь?! – дико вращая глазами, закричал он, с непонятно откуда взявшейся силой, отбрасывая в сторону тяжелые камни. – Эй!

Ему показалось, что он услышал слабый голос. Замир еще яростнее заработал руками.

– Помогите!!! Орчи! Лиа! – срывающимся голосом крикнул он, как безумный, продолжая ворочать непреподъемные каменные глыбы. Сердце бухало в груди, как будто собиралось вот-вот разорваться. – Эй! Кто там?! Сейчас, сейчас... Эй!!!

Услышав крики, Орчи вынырнул из охватившего его оцепенения. Выпустив из объятий тело матери он осторожно опустил его на снег. Орчи нашел ее неподалеку от загона для быков, наверное, она шла накормить их. И не дошла... Шуба была порвана, на боку. Большой клочок меха был вырван вместе со шкурой. В дыре виднелась, уже начинающая замерзать вытекшая из раны кровь. Еще час и она превратится в кусок льда. Только не белого, а темно-бурого. На лице удивленное, даже немного обиженное выражение. Рыжие волосы, собранные в высокий пучок, съехали на один бок, несколько волнистых прядей разлетелись в разные стороны, придавая ей задорный вид. Как будто она только что танцевала на каком-нибудь празднике, да так лихо, что прическа растрепалась. А потом просто решила прилечь ненадолго, отдохнуть. Даже кожа с россыпью золотистых веснушек еще хранила нежный розово-бежевый оттенок. Если бы не темное, застывающее пятно на боку, в том месте, где порвана шуба... Орчи всхлипнул.

Он пошел в ту сторону, откуда раздавались крики. Уви-

дев друга, с яростным рычанием отбрасывающего в стороны камни, и рядом с ним, пытающуюся помочь Лиа, Орчи побежал. Ему нужно было выплеснуть свою ненависть, свою боль. Он подбежал к завалу и с такой силой отшвырнул камень, что тот пролетел несколько метров. Орчи схватил следующий.

– Осторожно! – Замир указал рукой. – Там.

Втроем они с осторожностью приподняли большой камень, который лежал под наклоном, упираясь на другие, размером поменьше.

Маленькая дрожащая рука потянулась к Замиру.

– Еши! – Замир подхватил маленькое худенькое тельце, совсем заледеневшее на морозе, и прижал к себе с такой силой, что младший брат заревел. – Еши!

– Замир! – дрожащие ручонки вцепились в шею Замира.

– Еши! Еши! – смеясь и плача, повторял Замир. Он чувствовал, как по щекам катятся слезы. Значит они все-таки не закончились. – Братишка!

– Холодно! – стуча зубами, сказал Еши. На нем были домашние штаны и рубаха из тонкой шерсти. Замир сбросил шубу и завернул в нее брата. Еши посмотрел на рухнувшую стену. – Там Аните и ба...

Замир отдал братишку Лиа и они с Орчи снова принялись раскидывать камни. Лицо у Замира было напряженное, застывшее. Глаза горели пугающим огнем. Сейчас, под этим камнем или под следующим, они найдут тело его маленькой

сестренки и бабушки. Замир гнал мысли прочь. Он должен. Должен их найти. Он вынесет это. Он не может оставить их под камнями. Он должен и он это сделает...

– Смотри! – Орчи убрал очередной камень. На них смотрели темные, испуганные блестящие бусинки глаз.

– Аните!... – выдохнул Замир, все еще боясь поверить, что малышка жива.

Рядом с Аните лежала бабушка. Она тяжело дышала, глаза были закрыты. Один из камней придавил ногу. Орчи с Замиром осторожно убрали камень и вдвоем приподняли тело старой Аирим. Старуха застонала.

– Замир! – дрожащая сморщенная рука потянулась к щеке внука и бессильно упала.

– Ба...

–

В очаге жарко горел огонь. Дети отогрелись, поели и крепко спали укутанные шкурами.

Старая Аирим лежала возле самого очага. Дыхание у нее было слабое, прерывистое, воздух выходил из груди со свистом и хрипом.

– Что произошло, ба?

Старуха, как будто не слышала, о чем ее спрашивают. Она обвела мутными глазами сидевших возле нее Замира, Орчи и Лиа.

– Ты нашел своего отца, сынок? – прохрипела она.

Замир часто-часто заморгал, пытаясь прогнать, так

некстати подступившие к глазам слезы. Стараясь, чтобы голос не дрожал, он ответил:

– Нашел... Они все... Их больше нет, ба... Никого нет. Остались только мы.

Тело старухи напряглось, лицо исказилось, как будто от невыносимой боли.

– Земля задрожала, – сказала она. Она говорила так тихо, что все трое юных слушателей склонились к самому ее лицу, чтобы расслышать слова. – Потом раздался грохот, как будто снежная лавина сошла. Крики. А потом дом задрожал, и посыпались камни. Все случилось так быстро...

– Ты и дети ничего не видели?

Аирим качнула головой.

– Не знаю зачем Оил сохранил мне жизнь. Чем я прогневила его, что он наказал меня, дав пережить моего сына, невестку и остальных соплеменников. Но раз уж я жива, вот моя последняя воля Замир! – взгляд у нее немного прояснился, голос зазвучал громче, стал почти властным. – Я знаю, что ты исполнишь ее, потому, что последняя воля человека священна.

– Ба...

– Не перебивай! – приказала старуха и пытливо посмотрела на внука. – Ты сделаешь то, что я скажу тебе.

Замир опустил взгляд.

– Да, – тихо сказал он, понимая, что то, что потребует от него старая Аирим не совпадает с его собственными желани-

ями. Вернее с единственным желанием, которое у него еще осталось.

Старуха вновь обвела взглядом всех троих. Ее глаза наполнились слезами. Напротив нее с суровыми, застывшими от страдания и боли лицами, сидели совсем еще дети. Еще вчера все относились к ним как к детям. Взрослые решали что и как им делать. Теперь, им самим предстояло принимать все решения. Судьба послала им столько горя и боли, что и на десять жизней хватило бы. Но ничего уже не изменишь, теперь они должны сами о себе позаботиться. И нести в себе свою боль, как-то справляясь с ней. В силу обстоятельств они повзрослели, всего за один день. Не от того, что они так хотели, а потому, что пришлось... Аирим вздохнула.

– Слушай же Замир. Сейчас вы немного отдохнете. Затем соберете все, что только может понадобится в дальней дороге и что можно увезти на паре саней и отправитесь в низовья. Здесь больше нет жизни. Это больше не ваш дом и вы должны покинуть это место. Как можно быстрее.

– Мы должны узнать, что произошло. Должны узнать, кто виноват во всем. Должны позаботиться о погибших...

– Нет! – Аирим сердито посмотрела на внука. – Вы возьмете детей и уедете сразу. Мертвым вы уже не поможете. Вы должны выжить сами. Это моя последняя воля! И ты обязан ее выполнить, нравится тебе это или нет.

– Мы лишились всего! И мы даже не знаем, что случилось! – почти выкрикнул Замир.

– Сынок, ты должен спасти детей. – Аирим сделала глубокий вдох, ей не хватало воздуха, ее силы были на исходе. – Поклянись, что ты спасешь детей! Мне недолго осталось. Оил уже зовет меня. Возможно, он продлил мою жизнь именно для того, чтобы я смогла сказать тебе слова моей предсмертной воли...

По морщинистой щеке скатилась слеза.

– Хорошо, ба. Я отвезу детей. Они будут в безопасности. Но потом я вернусь, – глаза его гневно сверкнули, – и узнаю, что произошло, и покараю виновных, кто бы они ни были.

– Мы вернемся! – твердо сказал Орчи, и его губы тронула улыбка. Не радостная и дружелюбная, какой должна быть улыбка шестнадцатилетнего паренька, а страшная и беспощадная.

– Пусть будет так. Тому, что вы станете делать дальше, я воспротивиться не могу, – сказала Аирим. Лицо у нее было печальным, в глазах погас свет. Казалось жизнь уже покинула ее тело. Она выглядела совсем старой и немощной. – Вы теперь мужчины. И никто больше не может решать за вас, что вам делать.

– Нам нужно совершить обряд прощания с погибшими, – сказал Замир. Ему невыносима была мысль, что их близкие останутся лежать в снегу посреди долины или под развалинами жилищ. – Прошу, позволь нам его совершить. Мы уедем завтра.

– Нет! Вы уедете сегодня. Мертвые не обидятся на вас.

Они любят вас, но они не хотят, чтобы ваша встреча произошла раньше положенного времени. Им не нужен обряд. Не нужно погребение. Они там где жили. Они у себя дома, навеки. Разве может быть какое-то место лучше чем дом?

Уже заранее зная ответ, Замир сказал, дрогнувшим голосом:

– Поедем с нами, ба...

Аирим улыбнулась ласково. Бедный ее Замир! Бедный мальчик! Такая тяжесть легла на его плечи.

– Нет, сынок. Ты сам знаешь, что я не могу. Я слишком стара и слаба, и в любом случае не вынесу дороги. Но даже если бы мне хватило сил проделать путь до низовий, я и тогда не поехала бы. Я прожила долгую, хорошую жизнь и хочу умереть там, где она прошла. Я останусь с остальными и буду молить Великого Оила, послать вам удачу. Чтобы он помог вам благополучно добраться до безопасного места и потом хранил бы вас всех... Мне незачем больше жить, сынок, мой путь пройден.

Заметив на глазах внука слезы, она дотронулась до его руки и едва заметно, насколько у нее достало сил, сжала ее.

– Сынок, смерть для меня благо. Я не боюсь ее, я ее жду, как избавление. Единственное чего я хочу, чтобы вы, дети, были в безопасности, и чтобы у вас все было хорошо.

Глава 9. Метель

К вечеру проехали через две долины. Нужно было устроиться на ночлег. Спать на открытом месте нельзя. Дикае звери или метель погубят немногочисленный отряд, если они устроятся на ночлег посреди снежной равнины. Для ночевки нужна пещера, или хотя бы какое-то закрытое от ветра место среди скал, в котором волки не смогут подобраться незаметно и где можно будет дать им отпор.

До низовий оставалось три дня пути по хорошей погоде. Если не начнется метель, или мороз не ударит совсем уж невыносимый для поездки. Маленькие дети не выдержат в дороге в слишком сильный холод, сколько шкур на них не надень.

– Стой! – Орчи натянул поводья и прыгнул на снег. В нескольких десятках шагов от них неприступной стеной тянулись вверх скалы. – Я пройду вдоль гор, поищу пещеру.

– Я с тобой, – слезая с саней, сказала Лиа. Орчи пожал плечами. Охота топтать через сугробы, так пусть идет. Но может ей нужно чем-то себя все время занимать, чтобы мысли о случившемся не лезли в голову и не лишали рассудка. Орчи это понимал. Он сам готов был делать, что угодно, только не сидеть на месте без дела. Как только он садился или пытался закрыть глаза, перед ним сразу вставало замерзшее лицо отца и мама, лежавшая на снегу, со сбившейся на бок

прической и страшной застывающей раной... Орчи помотал головой, отгоняя видение.

– Пошли, Лиа. Держись рядом, не отходи.

–

Пещера была узкой и уходила вглубь скалы. Но для ночлега вполне сойдет. Вход закрыли большим каменным обломком. Волки точно не проберутся. Быков разместили у входа. Им может и тесновато и хочется на открытое место, но если быки будут снаружи и нападут волки, то могут убить их. А без быков до низовий с маленькими детьми не добраться. От быков сейчас зависят их жизни, рисковать нельзя.

Еши достал кусочек соли и положив его на раскрытую ладонь, давал лизать соль каждому из быков по очереди. Животные тыкались в детскую ладошку широкими мягкими носами, осторожно лизали соль длинным языком, фыркали от удовольствия. Еши улыбался, гладил косматые морды, проводил рукой по большим загнутым рогам. Аните сидела молчаливая, безучастная ко всему. Замир поглядывал на сестренку с беспокойством. Вдруг она не сможет пережить случившееся? Взрослому человеку невыносимо нести такую ношу в душе, что уж тут говорить о маленькой девочке. Вот так, сразу, лишиться всего, это слишком тяжело, слишком страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.